

Лошкарева Мария Евгеньевна

РАЗВИТИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ УЭЛЬСА В XII ВЕКЕ

Статья посвящена развитию легендарной традиции Уэльса в период первой консолидации валлийских принцев, ее взаимосвязи с раннесредневековыми поэтическими произведениями и вопросам складывания валлийской политической мифологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 105-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

РАЗВИТИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ УЭЛЬСА В XII ВЕКЕ

Лошкарева Мария Евгеньевна

*Кафедра конституционного и административного права
Государственный университет – Высшая школа экономики (Нижегородский филиал)
m_loshkareva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена развитию легендарной традиции Уэльса в период первой консолидации валлийских принцев, ее взаимосвязи с раннесредневековыми поэтическими произведениями и вопросам складывания валлийской политической мифологии.

Ключевые слова и фразы: легендарная традиция; пророчества; англо-валлийское противостояние; политическая идеология.

Одной из главных тем валлийской литературной традиции (как поэтической, так и прозаической) является противостояние Уэльса Англии. Эта традиция, берущая начало в VI веке, на протяжении столетий подвергалась серьезным изменениям, сохраняя, тем не менее, основной стержень, каковым является вера в непременную победу валлийцев, обретение ими свободы и торжество справедливости. Валлийцы считали себя потомками и наследниками древнего и славного народа, который был полноправным хозяином Британии. Они были лишены прав «варварами–саксами», но не утратили надежды на возвращение былого могущества. Бриттский триумф был связан с возвращением великих бриттских героев Кинана или Кадваладра, Овайна или Артура. Возвращение героя должны были предвещать страшные катаклизмы, несчастья, битвы и кровопролитие. В конечном итоге все это увенчалось бы победой валлийцев, поддержанных союзниками из Ирландии, Шотландии и Бретани. Такой миф позволял бы сделать прошлое понятным, а будущее значительным, поэтому его привлекательность сложно переоценить. В условиях постоянного страха перед потерей национальной индивидуальности, утратой социальных и культурных ценностей развитие подобного мифа было явлением закономерным.

С этим связана особая популярность жанра пророчеств в валлийской литературе. По общему признанию, ни одна из дошедших до нас валлийских пророческих поэм не датируется ранее IX века. И даже тогда они приписываются Талиесину или Мэртину. Оба поэта являются историческими личностями. Из творчества Мэртина до нас не дошло ничего. Талиесин был придворным поэтом короля Регеда Уриена и считается одним из крупнейших бриттских бардов наряду с Анейрином. Среди прочих работ, принадлежащих его перу, до нас дошли панегирики и элегии, посвященные Овайну, принцу Регеда, который в валлийской легендарной традиции связывается с королем Артуром.

Традиция приписывать поэту роль пророка восходит к кельтским друидам, барды на протяжении всего средневековья составляли особый класс: закон Хауэла Доброго (X век) даже предусматривает при дворе должность главного барда – *rencerdd* [The law of Hywel Dda, p. 38]. Патронируемые принцами барды выполняли роль историков, генеалогов и пророков. Их обязанностью было сочинение панегириков в честь патронов и песен, воздающих хвалу Богу и святым. Валлийская придворная поэзия сохраняла архаичные традиции, восходящие к мабиноги и триадам. Этим объясняется обязательное упоминание имен героев (или их анималистических символов), определенных топонимов, псевдоисторических событий. Поэты были носителями политической идеологии, в центре которой стояла гордость за свое прошлое. Особенно подчеркивались два аспекта этого мифического прошлого. Во-первых, память о «Старом Севере» (Yr Hen Ogledd – королевства северной Британии V–VII вв.). Генеалогии основных валлийских династий велись именно от принцев Севера. Там же родились прототипы таких валлийских легендарных героев, как Овайн аб Уриен, принц Регеда. Второй точкой опоры валлийского исторического сознания была память о Римском прошлом, связанная с легендой о Максене Вледиге (Magnus Maximus ум. 388 г.), которому посвящена мабиноги «Видение Максена Вледига». Мифологизированное прошлое было для валлийцев предметом гордости, передававшейся из поколения в поколение. Но к гордости за прошлое примешивалось чувство потери и стыда за утрату могущества. Это чувство рождало горечь и негодование. Однако, чувство потери и сожаления, глубоко укоренившаяся ненависть к саксам не ослабляли надежды на освобождение. Валлийцы никогда не отказывались от видения единой Британии с центром в Лондоне, вновь возвращенной под их контроль. Это видение оставалось главной аксиомой исторической мифологии на протяжении всего средневековья.

Первое из сохранившихся валлийских пророчеств о победе валлийцев содержится в “Historia Brittonum”, традиционно приписываемой Неннию и датируемой IX в.: «После того король призвал своих колдунов, дабы они указали, что ему надлежит предпринять. И те сказали: «Направься в крайние пределы своего королевства и построй мощную крепость, в которой ты сможешь себя защитить; ведь народ, который ты поселил в своем королевстве, ненавидит тебя и коварно с тобою расправится, а после смерти твоей захватит любимые тобою земли вместе со всем народом твоим» (Согласно Неннию, король Гвортиргерн сам разрешил саксам поселиться на острове и выделит им земли). И он ушел с колдунами на поиски места для упомянутой крепости, и они обошли множество областей и краев. Но так ничего и не найдя, в конце концов, добрались до области, которая прозывается Гвинед. ... Здесь колдуны сказали королю: «Построй крепость на этом мес-

те, ибо здесь она будет наиндежнейшим для тебя укрытием от чужеземцев» ... Но после того как было заготовлено потребное для постройки, однажды ночью всё заготовленное бесследно исчезло, и он трижды приказывал снова собрать всё необходимое, но ничего не добился. И Гвортиргерн, опять, призвав к себе колдунов, спросил у них, в чем причина этой напасти... Они на это ответили: «Пока ты не отыщешь ребенка у которого нет отца, и этот ребенок не будет убит, а земля, на которой ты собираешься возвести крепость, окроплена его кровью, крепость никогда не будет построена. И, вняв их совету, он по всей Британии разослал гонцов, дабы те разыскали ребенка, у которого нет отца. Обойдя множество областей и краев, они добрались до равнины Эллетти, которая находится в области Глегвиссинг (юг Уэльса). Здесь они заметили играющих в мяч подростков... Тогда гонцы тщательно расспросили [одного] мальчика и всех остальных и стали допытываться у его матери, есть ли у её сына отец. На это она ответила отрицательно: «Я и сама не знаю, как он был зачат в чреве моем...» И гонцы Гвортиргерна взяли с собой мальчика... И мальчик, обратившись к королю сказал: «Для чего твои люди привели меня к тебе?» Король ответил: «Дабы ты был умерщвлен, и твоя кровь окропила землю, и на ней можно было возвести крепость»... И мальчик, снова возвысив голос, произнес: «Пусть знает тот, кто указал на меня, что я разъясно всё лишь тебе одному, о король, и открою истину, а твоих колдунов я спрашиваю: «Что сокрыто в этом месте под землей?»... Но колдуны ответили: «Мы не знаем». На это мальчик сказал: «Под слоем земли находится водоем; пойдите и раскопайте её, и вы его обнаружите». Они пошли и стали раскапывать землю, и она провалилась. И мальчик спросил колдунов: «Укажите, что находится в водоеме?» Они промолчали... Тогда он сказал: «А я вам это открою; там два чана, и вы их обнаружите» ... Король повелел открыть чаны, и в них были обнаружены свернутые холсты, как и предсказал мальчик. «Здесь прибывают два змия, один белый, другой багряный; разверните холсты». Холсты развернули и в них обнаружили двух погруженных в сон змиев. И мальчик сказал: «Подождите и посмотрите, как эти змии поступят». А змии принялись гнать друг друга; белый всем туловищем старался оттеснить багряного на середину холста, и они трижды вступали в борьбу. Багряный змий, который вначале казался более слабым, а как выяснилось позднее, превосходил силою белого, прогнал того прочь с холста. Тогда они, друг друга преследуя, очутились вне водоема, и холст исчез. Мальчик снова спросил колдунов: «А что означает дивное это знамение, явленное только что на холсте?» Те произнесли: «Мы не знаем». И мальчик молвил: «Сия тайна открыта мне, и я вас к ней приобшу: холст – образ твоего королевства, о король; два змия, то два дракона; багряный дракон – твой, а водоем образ нашего мира. Белый дракон – дракон народа, что захватил в Британии множество областей и подчинил множество обитающих в ней народов, и он будет властвовать в ней почти от моря до моря. Но в последующем поднимется наш народ и вышвырнет народ англоv за море. Ты же ступай отсюда, ибо тебе не построить здесь крепости, и обойди многие земли, дабы обрести для себя безопасное обиталище, а я тут останусь». Тогда король обратился к подростку с вопросом: «А как твое имя?» Тот ответил: «Мое имя Амброзий, или, говоря по – иному – Эмбреис Гулетик» [Ненний, с. 183].

Белый и Красный драконы будут символами Англии и Уэльса (соответственно) в валлийской литературе на протяжении веков. Пророчество о битве драконов использовано Гальфридом Монмутским в «Истории Бриттов». Но он назвал мальчика Мерлином (Мэртином, по-валлийски Myrddyn), приписав пророчество придворному барду короля Артура. «Вортегирн, король бриттов, сидел на берегу осушенного озера, из которого вышли внезапно два дракона, один белый, а второй – красный. Сойдясь вплотную друг с другом, они вступили в ожесточенную схватку, извергая из ноздрей языки пламени. Одолевал белый дракон, и он уже прогнал красного до самого края озера, но тот, раздосадованный, что белый дракон берет над ним верх, бросился на него, и заставил противника податься назад. И пока они бились подобным образом, король повелел Амброзию-Мерлину разьяснить, что предвещает эта битва драконов. И тот, обливаясь слезами, исполнился пророческого наития и возгласил: «Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет, призванных тобой саксов, тогда как красный – исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом». Далее в «Истории» следуют пророчества Мерлина, темные и неопределенные, некоторые из них соотносятся с событиями, о которых Гальфрид повествует в последующих главах, другие выходят за хронологические рамки повествования: «Горы Британии сровняются с ее долами, и реки в долах её станут струиться кровью. Почитание истинной веры иссякнет, и взорам предстанут развалины господних церквей. И всё же вера, гонимая и утесняемая, в конце концов, возьмет верх и устоит перед свирепостью иноземцев. Придет на подмогу вебрь из Корнубии (имеется ввиду король Артур) и своими копытцами растопчет их выи. Господству его попадут на океане лежащие острова, и он овладеет Галльскими лесами и рощами. Вострепещет дом Ромулов пред его свирепостью, и будущее римской державы станет сомнительным» [Гальфрид Монмутский, с. 75].

Главные пророческие темы содержатся в известной поэме «Armes Prydein» (Пророчества Британии), которую большинство исследователей датируют началом X в. (www.maryjones.us/ctexts/t41.html). Здесь впервое говорится об объединении кельтского мира как об обязательном условии победы над варварами:

«Мужи дерзкие, сильные, смелые
Стремятся к битве...
Воины вдали от Кайр Вэйр разгромят иноземцев.
Будет разорение и празднование.
И будет союз валлийцев и людей из Дублина,
Кельтов Ирландии, Мэна, Шотландии,

Корнуэльцев и жителей Клайда.

Оставшиеся в живых бритты восторжествуют».

Заметим, что в ранних пророчествах освобождение не связывается с фигурой Артура.

Пророчество об объединении всех кельтов используется и в «Истории бриттов» Гальфрида: «Кадваладр призвет Конана и примет в союз Альбанию. Тогда произойдет избиение чужеземцев, тогда реки потекут кровью, тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короною Брута. Камбрия преисполнится радости, и зазеленеют дубы Корнубии. Остров будет наречен именем Брута и изникнет название, данное ему чужеземцами» [Там же, с. 77].

Пророчества сохраняли свою привлекательность вплоть до конца XV века, однако живучесть этой традиции не является результатом негибкости и консерватизма со стороны бардов и их патронов, а лишь свидетельствует о существовании необходимого обществу мифа. Ранние поэмы, в том числе «Пророчества Британии» отражают политические и военные проблемы валлийцев в англо – саксонскую эпоху. Поэзия и легенды XII–XIII веков отражают нужды общества и политику принцев в бурное время после нормандского завоевания. Важную роль в укреплении этой традиции сыграла «История Бриттов» Гальфрида Монмутского. Трагедия 1282–1283 гг., связанная с утратой Уэльсом политической независимости и обрывом династии Гвинета нашла своё отражение в печальных элегиях, посвященных Лливелину ап Гриффиту. Однако пророческая традиция пережила и это потрясение и возродилась с новой силой в XIV веке.

Таким образом, можно выделить несколько периодов в развитии валлийской литературной традиции. Первый период (до XIII в.) характеризуется пророчествами, традиционно приписываемыми Мерлину или Талиесину, а также одами, воспевающими доблести валлийских героев и их борьбу с «варварами–саксами». Второй период (до 1283 г.) связан с Эпохой Принцев, их политикой и амбициями. Третий период (до середины XIV в.) обычно считается периодом застоя, связанного с утратой традиционного образца литературного патронажа и формированием нового. Четвертый период (XIV–XV вв.) отмечен всплеском в развитии валлийской пророческой поэзии, главной темой которой становится ожидание “*mab darogan*” (сына пророчества) и связан с появлением наследников валлийских династий Овайна Логоха и Овайна Глендура.

Консерватизм является характерной чертой валлийской литературной традиции. Образцы произведений, как поэтических, так и прозаических сложились еще в VI в. и продолжали существовать до конца XIV. И форма, и содержание валлийских литературных произведений отвечают канонам, сложившимся в раннее средневековье. Образцом для подражания на протяжении веков служили поэтические произведения Талиесина, придворного барда Уриена, короля Регеда. Ряд поэм, приписываемых Талиесину, посвящен Овайну аб Уриену, принцу Регеда, который связан с королем Артуром и его двором в «Мабиногион» (ему посвящена мабиноги «Овайн и хозяйка Фонтана»). Поэма «*Argoed Llwyfain*» рассказывает о победе Овайна над англичанами. Поэт воспекает Овайна и доблесть его «воронов» [The Oxford book of Welsh verse in English, p. 3]. Воронами традиционно именовалась дружина Овайна аб Уриена, но позже это название стало переноситься на валлийских воинов в целом. Талиесину же приписывается и песнь на смерть Овайна аб Уриена. Панегирики и элегии стали господствующими формами в валлийской поэзии.

XII век стал периодом мощного национального подъема в Уэльсе. Легенды и поэтические произведения этого периода отражают политику и амбиции сильнейших валлийских принцев. Тогда поэты воспедали деяния Мадога ап Мередита, принца Пауиса, Овайна ап Гриффита ап Кинана, принца Гвинета и Лорда Риса Дехайбартского. Их консолидация представляла серьезную угрозу положению англичан в Уэльсе.

Героем целого ряда поэм этого периода являлся Овайн Гвинедский, присвоивший себе титул «принц Уэльский». Овайн вел независимую политику, установил дипломатические отношения с французским королем, а в 1165 г. возглавил антианглийскую коалицию валлийских принцев. Как всякий могущественный сеньор, Овайн покровительствовал многочисленным поэтам, которые составляли неотъемлемую часть его двора. При дворе Гвинедского принца творили Кэнтэлой Маур и Гвальхмай. Замечательно, что старший сын первого принца Уэльского Хауэл аб Овайн тоже был поэтом.

Кэнтэлой (1155–1200 гг.) признается поэтами двух последующих столетий лучшим мастером панегириков. Он писал в размерах *awdl* и *englyn*. В начале карьеры Кэнтэлой участвовал в бардовских соревнованиях и его оппонент Сейсил Брыффорх назвал его Великим (видимо, с этого времени он и стал называться *Mawr*). Кэнтэлой был главным поэтом при дворе Мадога ап Мередита Пауисского, после смерти которого, стал воспевать Гвинедских принцев и членов династии Дехайбарта. Он также стал первым поэтом, отразившим в своем творчестве весь Уэльс. Большая часть его работ находится в Красной книге Хергеста и Черной книге Кармартена.

Кэнтэлой Маур посвятил Овайну Гвинедскому хвалебную песнь:

«Я воспеваю своего патрона, мужественного в битве...

Я пою песнь для моего благородного лорда,

Я восхваляю достойнейшего Овайна.

В битве против Англо в землях Тегейнгла.

Кровь лилась потоком дальше и дальше.

Столкнулись Драконы, правители Рима...

В битве с Драконом Востока

Благородный Западный Дракон был лучшим.

Доблестный лорд вынул меч из ножен...
 Клинок в руке и рука, рубящая головы,
 И меч его обрушился на нормандские отряды.
 И постоянная боль от вида смерти,
 И пролитие крови, и ликование,
 Кровь заливают людей, их головы окровавлены.
 Я слышал призыв птицам,
 В пронзающем ударе копья,
 В кровавом следе, зовущем воронов.
 На трупы слетелись тысячи ворон,
 Всадники Брэнайха, боевые вороны Овайна...
 ...
 В Абертейви они сражались...
 Как при Бадоне звучал гордый боевой клич...
 Я видел схватку и ужасное смятение,
 Войска боролись, громя друг друга,
 ...
 Я видел скорбные трупы Саксов.
 Битва выиграна, принцем сынов отечества,
 Битва дорого оплачена...»
 [Ibid., p. 26].

Этот панегирик представляет собой один из лучших образцов жанра. Он был написан, видимо, до кампании 1165 г., о чем свидетельствует упоминание реальных событий, имевших место в правление Овайна, в том числе захвата Тегейнгла. Замечательно, что поэт нарочито преувеличивает значение битвы за Тегейнгл и ее последствия. Страшные катастрофы и кровопролитие, согласно пророчествам должны были предвещать скорую победу бриттов. Поэт, по традиции, воспеваает доблесть Овайна и его мудрость. Гвинедский принц уподобляется соколу, символизирующему в валлийской мифологии воина-героя. Битва, описываемая здесь, уподобляется битве Драконов: Восточный Дракон символизирует Генриха II Плантагенета, а Западный – Овайна Гвинедского. Победа традиционно на стороне благородного Западного Дракона. Интересным является и упоминание битвы при Бадоне, самой значительной из побед Артура над саксами, произошедшей в 516 г. Кроме того, здесь присутствуют неизменные вороны Овайна, традиционно сопровождавшие принца Регеда. Возможно, что определенную роль сыграло само имя «Овайн», часто появлявшееся в пророчествах и легендах. Подобные упоминания традиционны для валлийской поэзии, которая никогда не теряла связи с британской мифологией и, прежде всего со стержневым мифом о легендарном королевстве Артура. Примечательно, что все дети Гриффита ап Кинана носили имена легендарных валлийских героев (Овайн, Кадваладр и т.д.).

Перу поэта Гвальхмая (1130–1180 гг.) принадлежит панегирик «Триумф Овайна»:

«Восхвалению Овайна посвящена моя песнь,
 Овайна быстрого, Овайна смелого,
 Прекраснейшего цветка на ветви Родри,
 Щиту Гвинеда, драгоценности Британии.
 ...
 Покровителю всех искусств,
 С щедрой рукой и открытой душой.
 ...
 Там вдалеке нормандские суда
 Подняли паруса и вступили в бой...
 ...
 Бесстрашно на родном берегу
 Стоит сын Дракона.
 ...
 Начались грохочущие удары,
 Твердая скала Талэмалфра
 Отзывается на шум битвы.
 Пестря потоками крови,
 Менай катит назад свои волны.
 ...
 Куда он направит своё копьё,
 Там быстрый разгром.
 Замеченный негодующим взглядом,
 Бойтса остановиться и стыдится бежать...»
 [Presenting Welsh poetry, p. 25].

Эта поэма, судя по всему, описывает кампанию 1165 г. против Генриха II. И Овайн здесь вновь именуется сыном Дракона, а значит носителем миссии освободителя Уэльса.

Все произведения, посвященные Овайну Гвинедскому, представляют собой образец традиционного для средневековья литературного патронажа: Овайн восхваляется поэтами, не только как бесстрашный воин и мудрый правитель, но и как щедрый патрон.

Сын Овайна Гвинедского Хауэл (видимо от раннего брака) был известным поэтом. В своем «Ликовании» он прославляет валлийскую свободу:

«Я люблю то, что ненавидят англичане,
Свободную землю Севера...»

[The Oxford book of Welsh verse in English, p. 21].

Эта поэма, вероятно, относится к тому времени, когда Гвинед становится доминирующим княжеством в Уэльсе, а его принц возглавляет антианглийскую коалицию.

К периоду первой консолидации валлийцев относится деятельность Мадога ап Мередита, принца Пауиса. Его заслуги, доблесть и благородство воспеты Кэнтэлоем Мауром. Одним из лучших произведений, посвященных Мадогу, является элегия на смерть принца Пауиса [A book of Wales, p. 117]:

«С тех пор как Мадог умер ...
Весь мир, который известен мне –
В печали...
Если бы он был жив,
Люди Гвинеда не расположились бы
В самом сердце Пауиса
При жизни Мадога никто не рисковал захватывать земли...»

Это произведение видимо было написано после 1160 г., так как, кроме Мадога, поэт оплакивает и его сына Лливелина, убитого вскоре после смерти отца. Замечательно, что Кэнтэлой со смертью Мадога связывает триумф Гвинедской династии, в качестве главного врага выступают люди Гвинеда, а не англичане. Это объясняется долгим противостоянием Мадога ап Мередита и Овайна Гвинедского, в ходе которого Мадог выступал на стороне английского короля. Здесь может быть установлена прямая связь с мабиноги «Видение Ронабви», одной из тем которой является борьба Гвинеда и Пауиса.

Третьим деятелем первой консолидации был принц Дехайбарта Рис ап Гриффит, вошедший в историю как Лорд Рис (1155–1197 гг.). Лорд Рис после смерти Мадога ап Мередита и Овайна Гвинедского стал доминирующей фигурой в Уэльсе, он сумел наладить отношения с английским королем Генрихом II Плантагенетом, сохраняя status quo; в период его правления Дехайбарт переживал небывалый подъем. Кэнтэлой Великий был и его придворным поэтом. В «Просьбе о примирении» поэт называет Лорда Юга покровителем искусств и храбрым воином, которому «короли не могут противостоять». Рис именуется «дерзким львом», а его воины «бриттскими соколами» [The Oxford book of Welsh verse In English, p. 24].

Эти традиционные сравнения подчеркивают связь с древней мифологией (сокол – Gwalh и лев – Llew в пророчествах всегда символизируют героев). Самым интересным произведением из всех посвященных Лорду Рису является написанная на латыни анонимная элегия «На смерть Лорда Риса», включенная в состав «Хроники принцев» [Brut, p. 77]:

«Пал венец знатного валлийца,
Это Рис умер, вся Камбрия стонет.
...
Рис умер, знамена падают,
Никто не торжествует, Рис умер.
Рис умер, ржавчина покрыла щит и меч.
...
Риса нет, враг здесь, потому что нет Риса.
Уже никто не поможет тебе, Камбрия, Риса нет.
Рис умер, люди плачут, торжествуют враги.
Англия стоит, пала Камбрия, Рис умер.
...
Камбер, Локрин и Альбанакт
Риса были ниже именем и доблестью.
Цезарю и Артуру Рис был подобен...»

В данной элегии неизвестный поэт обращается к сюжету о разделе Британии после смерти легендарного бриттского вождя Брута, разработанному Гальфридом Монмутским в «Истории Бриттов». В валлийской поэзии это одна из первых ссылок на артуровский миф в версии Гальфрида. Со смертью Риса, уподобляемого Артуру, по мнению поэта, утрачена надежда на объединение бриттов.

Бриттская надежда в поэзии этого периода всегда ассоциируется с какой-то фигурой, реально существовавшей в прошлом. В элегиях всегда оплакивается не столько сам факт смерти лидера, сколько несбывшиеся надежды. Смерть патрона является несчастьем, но еще большим несчастьем является крах надежд. Ни

один из принцев периода «первой консолидации валлийцев» не стал воплощением «бриттской надежды», что объясняется «обычностью» их смерти, не ознаменованной какими-либо чудесами. Пророчества этого периода, приписываемые Талиесину или Мэртину, темны и неопределенны и ни одно из них прямо не связывается с принцами «первой консолидации».

Список использованной литературы и источников

- Гальффрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. А. С. Бобовича. М., 1984.
Ненний. История бриттов // Гальффрид Монмутский. История бриттов / пер. А. С. Бобовича. М., 1984.
A book of British ballads. L., 1926.
A book of Wales / ed. by D. M. & E. M. Lloyd. L., Glasgow, 1971.
Brut Y. Tyvysogyon or the Chronicle of the Princess. Peniarth MS. 20 Version / translated with introduction and notes by Thomas Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1952.
The law of Hywel Dda. Jenkins D., Homer Press, Llandysul, Ceredigion, 2000.
The Mabinogion / tr. & ed. by J. Gantz. L., 1976.
The Oxford book of Welsh verse in English chosen by Gwyn Jones. Ox., 1977.
Presenting Welsh poetry: an anthology of Welsh verse in translation and of English verse by Welsh poets / ed. by Gwyn Williams. L., 1959.
Welsh poems. Sixth century to 1600 / transl. with an introd. and notes by Gwyn Williams. Berkley-Los. Ang., 1974.

THE DEVELOPMENT OF WALES LEGENDARY TRADITION IN THE XIITH CENTURY

Loshkaryova Mariya Evgenyevna

*Department of Constitutional and Administrative Law
State University - Higher School of Economics (Nizhniy Novgorod Branch)
m_loshkareva@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the development of Wales legendary tradition during the first consolidation of Welsh princes, its interrelation with early medieval poetry. The questions of creating Welsh political mythology are considered.

Key words and phrases: legendary tradition; prophecies; Anglo-Welsh opposition; political ideology.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мажитова Альфира Раисовна

*Центр социальных и политических исследований Академии наук Республики Башкортостан
Alfira78@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена влиянию глобализации на все сферы жизни общества. Рассматриваются проблемы связанные с глобализацией, а именно односторонний характер культурного взаимодействия и опасность потери национально-культурной самобытности многих народов.

Ключевые слова: глобализация; культура; идентичность; свобода личности; многомерность.

Современная глобализация, если ее понимать как процесс интеграции человечества в сложную взаимосвязанную, единую планетарную систему, подготовлена всем ходом развития истории. Она, как качественно новый этап интернационализации, вызвана к жизни современным уровнем материального и духовного производства, развитием производительных сил. Глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым словом последних лет и останется таковым в ближайшее время. Лидером глобализации выступают страны западной цивилизации, которые добились наибольших успехов в развитии и использовании достижений информационной революции. Вместе с тем, во взаимосвязанном мире глобализация втягивает в свою орбиту народы разных культур и уровней развития.

Усиливающаяся экономическая, политическая взаимосвязь ведущих стран мира не только открывает новые возможности, но и ставит сложные проблемы перед теми странами, которые вступили в новое тысячелетие со многими нерешенными проблемами. Современная глобализация вселяет народам чувство надежды и страха. Глобализация может стать для человечества общепланетарным добром, открыть путь устойчивого развития на основе справедливости, свободы, гармонии. Но может обернуться и вселенской бедой, втянуть род людской во всеобщую вражду, поставить его на грань различных катастроф. Вернее, не сама по себе глобализация, а способ ее проведения, политика ее достижений и возможностей.